

ление, связанное с сохранением и реабилитацией национального индустриального наследия.

С введением нового кандидатского экзамена по истории и философии науки в 2005 г. существенно возрастает роль кафедры как регионального координатора при организации приема данного экзамена. Работники кафедры во главе с заведующим прошли повышение квалификации на ИППК УрГУ и получили сертификаты, дающие право принимать новые кандидатские экзамены по истории и философии науки. Методическая разработка кафедры (программа) включена в пакет методических материалов ИППК УрГУ для подготовки преподавателей, имеющих право вести с аспирантами занятия по данному курсу и принимать соответствующий экзамен, а кафедра объявлена базовой на Урале по всеобщей истории науки и техники.

Необходимо, чтобы возникла Всероссийская структура по изучению истории науки и техники, пропаганды российского опыта, которую может возглавлять структура Российской академии наук – Институт истории естествознания и техники, а на Урале – Институт истории и археологии. Кафедра Истории науки и техники УГТУ–УПИ должна стать ее частью.

Небольшая кафедра истории науки и техники делает большую и нужную работу в одном из крупных вузов России, в котором обучаются 45 тыс. студентов и работают более 6 тыс. преподавателей и сотрудников.

Примечания

¹ Запарий В.В., Нефедов С.А. История науки и техники. Курс лекций. Екатеринбург, 2003. 67 с.

² <http://hist1.narod.ru>

³ История науки и техники: курс лекций. / Под ред. В.В. Запария. Екатеринбург, 2005. 245 с.; История науки и техники: курс лекций. / Под ред. В.В. Запария. Екатеринбург, 2007. Изд. 3-е, испр. и доп. 252 с.

*М.К. Елисафенко
(Екатеринбург)*

Власть и школа: актуальные проблемы исторического опыта

Гуманизация образования – этот лозунг используется всеми, кто причисляет себя к новаторам от педагогики. Так ли оригинальны призывы к внедрению развивающих методов обучения и индивидуализации педагогического процесса? Не углубляясь в европейских опыт, мы остановимся на времени становления русской национальной педагогики и массовой школы.

Эпоха великих реформ, открытая в начале 1860-х гг., не обогнула вниманием и систему просвещения. В соответствии с новым школьным законодательством стало возможным сосуществование разнообразных типов учебных заведений, которые не только управлялись и финансировались различными ведомствами, но преследовали разные образовательные цели. Из множества типов училищ наиболее распространенными были земские, обслуживавшие образовательные потребности основной части населения – крестьянства.

Формально контроль за этими учебными заведениями осуществлялся государственными чиновниками (Министерством народного просвещения, попечительствами учебных округов, дирекциями и инспекциями народных училищ), фактически же они находились под влиянием общественности, т.к. открывались и финансировались местными представительными органами – земствами. Успешность начальных народных училищ в деле образования в немалой степени зависела от степени политической зрелости и культурного уровня избранных гласных. Далеко не все регионы Российской империи могли похвастаться существенными сдвигами в области образования. Речь идет не только о количественных показателях: численности открытых школ, динамике роста процента грамотных. Гораздо важнее проследить качественные сдвиги.

Широкое поле деятельности для анализа обозначенных процессов представляет уральский край, где представительные органы проявили наибольшую активность по отношению к просвещению. Задачи начальной народной школы земства видели не столько в овладении учащимися суммы знаний, сколько в развитии потребности в познавательной деятельности, стремления к самосовершенствованию. Успешное решение поставленных задач уральскими земствами выделось в укреплении материальной и учебно-методической базы начальных школ, а главное – в привлечении на педагогическую работу знающих и творческих людей. Местное представительство края поддерживало учительство материально, заботилось о повышении их профессионального уровня, поощряло, как мы теперь говорим, новые педагогические технологии. Общий настрой земств повысил эффективность земской школы, несмотря на краткосрочность обучения в земских училищах (три года). Вот и оказывается, что опыт гуманитаризации просвещения в России имеет, по крайней мере, вековой опыт.

В земской школе возможности дать более глубокие знания были ограничены, поскольку курс обучения включал краткий перечень предметов: закон божий, чтение, письмо, начала арифметики, церковное пение, по желанию учителя могли вводиться дополнительные занятия по рукоделию, ремеслам, пению, рисованию, гимнастике. Рост результативности обучения мог обеспечиваться ис-

пользованием новых приемов преподавания, таких как звуковой метод обучения грамоте, объяснительное чтение и т. д., которые способствовали развитию речи и мышления, быстрому освоению материала и расширению кругозора учащихся. Звуковой метод позволял ученикам уже через два месяца научиться читать. Объяснительное чтение было направлено на разъяснение смысла прочитанного текста и употребления слов и выражений. Сначала избранный текст читался учителем или детьми вслух, затем учитель объяснял непонятные слова и выражения, используя при необходимости наглядные пособия: картины, макеты, образцы мер и т. д. На следующем этапе проводился лексический разбор прочитанного текста, учитель задавал ряд вопросов по грамматике, орфографии и фразеологии. Наконец, наступало время обсуждения содержания текста. Учитель задавал проблемные вопросы, стремясь в ходе их обсуждения научить детей выявлению причинно-следственных связей между частями текста, определению главной мысли, затем ученики пересказывали текст устно и письменно. Положительным результатом объяснительного чтения являлось то, что в ходе эвристических бесед на уроке учащиеся не только узнавали что-то новое, но учились рассуждать вслух, делали самостоятельные выводы.

На уроках объяснительного чтения вместо традиционного в дореформенной школе псалтыря и других церковных книг использовались учебные пособия, разработанные русскими педагогами и писателями: «Родное слово», «Детский мир» К.Д. Ушинского, «Дар слова» Семенова, «Пчела» Щербины, «Книга для классного чтения» В.И. Водовозова, «Вешние всходы» Тихомирова, «Мир в рассказах для детей» В.П. Вахтерева и т.д. Для сравнения приведем список учебной литературы, использовавшейся в церковноприходских школах: «Руководство к изучению закона божьего», «Молитвослов», «Исторические чтения в книге Ветхого Завета», «Пространный катехизис митрополита Филарета», «Краткая церковная история» и «Учение о богослужении» Смирнова и т. п.¹ Основу учебной литературы в школах духовного ведомства составляли десять учебников по закону божьему, рекомендованных училищным советом Святейшего Синода.

Учителя начальных народных училищ не довольствовались предлагавшимися учебными пособиями, проявляя инициативу в составлении собственных учебников и методических пособий. Не были исключением земские учителя уральского края. В Пермской губернии стараниями земства в 1884 г. была опубликована методичка А.Д. Топоркова «Подвижные арифметические письменные задачи для сельских школ», в 1893 г. Я. Захаров составил «Сборник задач и численных примеров для народных училищ», в 1902 г. бывший учитель Жизнев составил учебник по Закону Божьему.

Однако распространение новых приемов и методов преподавания встретило много трудностей. Прежде всего, не хватало кадров, имевших специальную педагогическую подготовку, поэтому новые методы обучения внедрялись медленно и не систематически. Внедрение новых методов осложнялось также низким уровнем эрудиции поступавших в школу детей. Организовать урок объяснительного чтения зачастую было невозможно из-за ограниченности словарного запаса и знаний учащихся об окружающем мире.

Результаты обучения в земской школе были недостаточными и в связи со спецификой организации учебного процесса. Занятия велись одновременно с тремя группами учеников, имевших различный уровень овладения грамотностью, поэтому учитель не мог уделить достаточно внимания всем ученикам, особенно начинающим. Кроме того, многие дети вынуждены были покидать школу, не завершив начального курса, т.к. в их труде нуждалось слабое хозяйство родителей.

Значительные финансовые средства, выделявшиеся органами местного самоуправления на школу, не давали желаемого результата. В конце XIX в. процент учащихся в соотношении с населением составил: в Вятской и Пермской губерниях – 3,4 %, в Уфимской – 1,8 %, в среднем по стране – 3,3 %². Любопытно сравнить относительный показатель численности обучающихся со странами Запада: в США – 19,9 %, в Англии – 17,6 %, в Пруссии – 17,3 %, во Франции – 14,3 %³. Причины такого положения в сфере просвещения надо видеть в отсутствии единства действий центральных и местных органов управления: нежелания центральной власти оказать финансовую помощь, ограничение полномочий земств, не имевших право влиять на учебно-содержательную сторону школьной жизни. Инициативы отдельных органов местного представительства не могли привести к кардинальным переменам.

Несмотря на все трудности становления массовой общественной школы, для населения сам факт ее появления имел положительные последствия: ширилась прослойка грамотных людей, увеличивались шансы молодежи найти перспективную работу. Данные опроса так распределили мотивы родителей, отдавших детей в земскую школу: стремление получить в хозяйстве грамотных работников, умеющих читать официальные документы, вести переписку, выполнять несложные вычисления (21,4 % опрошенных), забота о развитии умственного и духовного потенциала детей (18 % опрошенных), удовлетворение религиозных потребностей семьи (17,1 %), желание получить воинскую льготу (16,8 %), не менее значительным для родителей оказалось получение шанса для ребенка после окончания школы занять выборную общественную должность (16,7 %) ⁴.

Результаты деятельности молодой общественной школы видны на материалах, иллюстрирующих показатель грамотности тех поколений, которые росли в пореформенный период. В 1867 г. грамотность призывников составляла в Вятской губернии 6,3 %, в Пермской 4,9 %, в Уфимской 4,4 %⁵, в начале XX в. – соответственно 56–50–27 %⁶. Таким образом, родившиеся в конце 1870-х гг. давали намного более высокий показатель образованности, т.к. имели возможность не только пройти курс начальной школы, но и сдать экзамен на воинскую льготу. Любопытные сведения приведены вятским краеведом П.Н. Лупповым: из женихов и невест губернии в 1870–1872 гг. могли подписать брачный контракт 8,4 % мужчин и 0,8 % женщин, уже через десять лет, когда в брак стали вступать первые выпускники земских школ, показатель изменился – 14,8 % мужчин и 1,8 % женщин имели элементарную грамотность⁷.

Усилия уральских земств привели к изменению отношения населения к школе, поскольку дали практически бесплатное, а значит доступное образование, которое давало конкретные прикладные знания. Земская школа в силу краткости курса, ограниченности объема знаний не могла стать основой формирования нового типа личности. Учащиеся, даже завершившие полный курс обучения, а их было меньшинство, не усваивали социальный опыт предшествовавших поколений, поэтому не выходили из рамок традиционных стереотипов поведения, старые системы ценности подвергались лишь частичной деформации. Земская школа была переходным типом начальных учебных заведений, соответствующим начальному периоду модернизации, в дальнейшем должна была появиться общественно-государственная школа, выпускники которой имели бы законченное начальное образование, дававшее право продолжить обучение на других уровнях образовательной системы.

Примечания

¹ См.: ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 114. Л. 209–215; Отчет о состоянии школ церковно-приходских, миссионерских и грамоты Уфимской епархии за 1896/97 учебный год. Уфа, 1898. С. 32.

² Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып.3. СПб., 1902. С. 52–56.

³ Народное образование в России. М., 1914. С. 115.

⁴ Подсчитано по: Бобылев Д. Народная школа и значение грамотности. Пермь, 1902.

⁵ Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. IV. Ч. 2. С. 35.

⁶ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С. 293.

⁷ Луппов П.Н. Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1930. С. 43.